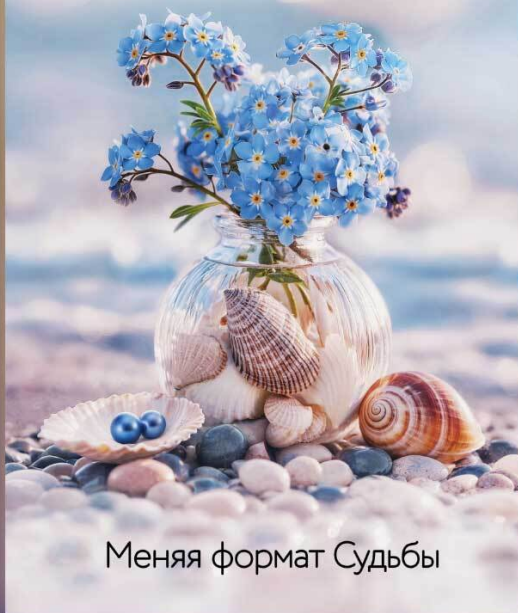

Еще раз про любовь

Матьяна
Алюшина

Матьяна
Алюшина

Комплект из 3 книг

Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной

Татьяна Алюшина

**Еще раз про любовь.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2023, 2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Еще раз про любовь. Комплект из 3 книг / Т. А. Алюшина —
«Эксмо», 2023, 2025 — (Еще раз про любовь. Романы Т.
Алюшиной)

ISBN 978-5-04-246535-2

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! С состав входят: Однажды ты узнаешь, Меняя формат Судьбы, Невероятная очевидность чуда. Комплект выгоднее, чем покупать книги по отдельности. Однажды ты узнаешь История о том, какую большую роль в становлении личности играет семья и как сильно могут повлиять поступки предков на судьбу потомков. Наталья Соловьева искусно сплела жизни нескольких поколений, соединив в одном романе события современности и далекого 1941 года. Отдельного упоминания заслуживает степень исторической достоверности. Автор по крупицам собрала необходимую информацию и правдиво передала атмосферу и быт довоенной Москвы и охваченной войной белорусской глубинки. Этой истории по-настоящему веришь и с трудом сдерживаешь слезы, когда на плечи молодой Нины сваливается очередное страшное испытание. Наши дни: Лиза узнает о смерти бабушки в тяжелый для себя период: ее жизнь и семья разваливаются. Она летит на похороны и вспоминает детство. Лиза так и не простила мать и Ба за нанесенные в прошлом обиды. В квартире бабушки она находит записи — исповедь, которая навсегда изменит не одну жизнь. Ба делится с внучкой своей историей, начавшейся в далеком 1941 году. 1941 год: Нина полна надежд и верит, что впереди ее ждет прекрасная, благополучная жизнь. А какая еще может быть у москвички, отличницы и единственной дочери состоятельного отца? Но одна ошибка меняет все. Городской девчонке придется жестоко заплатить за юношескую самоуверенность и наивность. К тому же все это происходит накануне войны... Меняя формат Судьбы Дарья — врач, всю свою душу она отдает больным детям. Её отпуск превращается в настоящую катастрофу: неудачная попытка заселиться в «дом мечты», неожиданная встреча с диким зверем, разрушительный ураган, убийство...

Теперь спасение нужно ей самой. Александр не просто протянет Дарье руку помощи, он перевернёт все её представления о жизни и о любви. Чтобы остаться с любимым человеком, Дарья готова бросить вызов самой Судьбе — и навсегда изменить ее формат. Невероятная очевидность чуда Мы все куда-то бежим, боремся с превратностями судьбы, пытаемся все успеть, не отстать от других и при этом не потерять себя... Встретить «своего», близкого по духу человека в этом безумном мире — настоящее чудо, не так ли? Счастье часто приходит неожиданно и даже может застать нас врасплох. Ева Ахтарская знает об этом не понаслышке. Отправляясь в долгожданный отпуск в любимую Калиновку, Ева не знала, какой сюрприз ее поджидает. Зайдя в свой дом, девушка обнаруживает там... совершенно незнакомого мужчину. К чему приведет это вынужденное знакомство? *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246535-2

© Алюшина Т. А., 2023, 2025

© Эксмо, 2023, 2025

Содержание

Наталья Соловьева	7
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Соловьева

Однажды ты узнаешь

© Н. Соловьева, текст, 2023

© Алюшина Т., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023, 2025

Наталья Соловьева

Однажды ты узнаешь

...я из воды вынула его.
Ветхий Завет. Исх. 2:10

Они стояли по колено в болоте. Черная вода кругом, холодно, стыло, хоть и лето. Где-то вдалеке слышалась немецкая речь. Их искали. Выйти в деревню, спрятаться не было никакой возможности – только замереть и не двигаться. Заморосил дождь. Вода теперь была везде.

Ребенок недовольно морщился и жадно искал грудь. Не найдя молока, отворачивал голову и снова начинал всхлипывать. Она еще крепче прижала его к себе и испуганно взглянула на крупнотелую рябую бабу. Та нажевала хлебных крошек в грязную тряпицу и сунула ребенку: он засосал и на какое-то время успокоился. Время шло. Она чувствовала на себе напряженные взгляды. Баба снова и снова начинала что-то неслышно говорить, но быстро умолкала и отводила глаза. Вскоре ребенок окончательно проснулся и начал кряхтеть. Она понимала – он вот-вот раскричится и, как знать, – удастся ли его быстро успокоить? Вдруг послышалось: «Партизайнен, выходи!»

Ребенок слабо запищал – она крепко прижала его к себе, поплотней укутала в одеяльце и стала трясти. Ребенок не унимался, кряхтел все сильнее и сильнее. Старик, седой, но еще крепкий, жилистый, навис над ней, протянул ручищи:

– Дай покачаю.

Но что-то злобное было в его взгляде.

– Нет! Я сама, сама смогу. Сейчас уснет.

Баба прошептала:

– Дай я возьму, ты ж устала, бедная. У меня успокоится, я большая, теплая.

Дрожащими от напряжения руками она протянула ребенка бабе – на ее большую уютную грудь. Баба быстро глянула на старика и, отвернувшись, наклонилась вниз, к воде.

– Что ты делаешь? Что?

Она хотела броситься к бабе, но старик опередил: схватил и зажал рот крепкой мозолистой рукой, пахнувшей тиной:

– Все через него погибнем, дура! Оставь!

Она из последних, непонятно откуда взявшихся, сил оттолкнула старика. В воде, все еще укутанный в тряпки, лежал ребенок. Безжизненное, бледное лицо его было скрыто водой. Она схватила ребенка, перевернула вниз головой и затрясла. Никто не учил ее, она сама знала, чувствовала, как надо.

Глава 1

Мне позвонили не вовремя. Сложно было подобрать более неудачный момент. Я была с Джоном. Он стоял с чемоданом. Уходил навсегда.

– Подождите, я не могу говорить.

Но голос возразил:

– Это не может ждать. Вы должны приехать.

– Что с ней? Она умирает?

– Она умерла.

Хлопнула дверь – Джон ушел. Ба умерла. Я осталась одна.

Я стояла у окна и смотрела, как Джон болтает с нашей соседкой снизу, грузит вещи в машину и, помигав поворотником, уезжает в свою квартиру где-то в Латинском квартале, где его ждет новая жизнь. Все было нереальным. Я не могла поверить, что происходящее со мной – правда. Все во мне вопило: это несправедливо! Мне захотелось завернуться в свое горе. Жалеть и жалеть себя. Никого не видеть. Я в бессилии упала на кровать, которую мы покупали вместе с Джоном, и почувствовала, что не могу больше оставаться здесь, среди воспоминаний о нашей счастливой жизни. Все здесь было связано с Джоном, переполнено им. Постель все еще хранила его запах. Аромат его кожи и геля для душа, который я ему подарила на прошлое Рождество. На тумбочке валялся журнал, который Джон читал еще вчера. Мы уже давно не разговаривали. И еще дольше не занимались любовью. Джон забыл зарядку от телефона. Или оставил ее как ненужную. Как и ненужную меня.

Я схватила ноутбук и парой кликов купила билет в Москву. К Ба. Я не хотела ехать. Она была и навсегда теперь останется чужой. Я не выбирала удобное для меня время вылета (не слишком раннее и не слишком позднее), как это делала обычно. Первый попавшийся рейс, на который я могла успеть.

Чемодан, случайные вещи. Да, нужно взять что-то черное. Рюмка коньяку, чтобы унять нервы, такси. Я совсем не думала о Ба. Все еще надеялась, что Джон позвонит, что мы еще сможем все обсудить и исправить. Звук его чуть хриплого голоса – и, честное слово, я сдала бы билет: Ба все равно уже умерла, а я – живая. Я хочу жить, хочу, чтобы он по-прежнему любил меня.

Паспортный контроль Шарль-де-Голля – и вот уже роскошные бутики в дьюти фри манят своими витринами. Новые коллекции, бездушные манекены. В другой ситуации я бы обязательно побаловала себя новым парфюмом. Тушью, которая увеличивает и удлинняет, очередным тональным кремом в попытке замазать морщины и синие от недосыпа круги. В последний год, когда все рушилось, косметические ухищрения, пусть даже в тесном соседстве с антидепрессантами и снотворным, оказались бесполезными. Покупки переросли в манию. Я транжирила все больше, но становилась все несчастнее.

Мне нет сорока. В глазах других я, несомненно, успешна, работаю в международном рекламном агентстве с офисом на Елисейских Полях, говорю на шести языках, каждые два-три года меня ждет повышение. У меня отдельный кабинет с видом, полеты бизнес-классом, интересные командировки по всему миру. Предсказуемое бизнес-окружение, где все играют по одним и тем же правилам. И если ты их понял, ты – свой и все у тебя будет отлично. Я поняла. Я – умница. Я красива, слежу за собой: три раза в неделю изнуряю себя спортом под придиричьим надзором персонального тренера, регулярные маникюр и эпиляция, массаж, косметолог. И, разумеется, депрессия. Об этом никто не рассказывает, но отчаяние и успешность частенько идут рука об руку. Чем более благополучным кажется человек – тем большая бездна неуверенности в себе и безысходности таится под его сияющей оболочкой. Такое вот «логичное» комбо.

В самолете где-то надрывно кричал младенец, уставшие от полета дети шумно бегали по проходу. Черт вас всех подери! Я стала задыхаться, сделалось нестерпимо душно. Куда лечу? Зачем? Ведь можно было сослаться на срочную работу, да мало ли на что. Я никому там не нужна – она уже умерла!

Стюардессы улыбались, носили еду, предлагали вино. Я ничего не хотела. Старалась следить за дыханием: глубокий вдох – медленный выдох. Это всего лишь паническая атака, Лиза, с тобой ничего не случится, нужно только дышать. Дыши – и скоро все закончится. Я стала судорожно листать журналы, пытаюсь хоть как-то отвлечься. Счастливые улыбающиеся люди, наслаждающиеся жизнью, белоснежный песок, безупречно сидящая одежда. И дети. Снова дети. Девочка, похожая на Софию. Не думай сейчас про Софию, дыши, нужно дышать. Глубокий вдох.

Мята! Конечно же. Я достала из сумочки пакетик мятного чая, который всегда носила с собой, и попросила заварить его. Этот запах почему-то всегда успокаивал меня. Не знаю почему – какая-то магия. Джон всегда смеялся над этим. Джон...

Самолет стал заходить на посадку в Шереметьево, показались огни расплывающегося во все стороны чужого города, комка энергии, готового поглотить меня. Города, где меня больше никто не ждал.

Я приезжала к ней всего раз, в далеком детстве. Тем летом Маша в очередной раз выходила замуж. Маша – моя мать, я всегда называла ее по имени – ей так нравилось. Мне было, кажется, лет десять – «совок» только что развалился. Мы тогда жили в Тель-Авиве. Машин будущий муж предложил ей провести медовый месяц где-то в Италии, а я, разумеется, в эти планы не входила – у нас с будущим отчимом что-то не складывалось. Впрочем, и с Машей у них не сложилось – он не продержался и пары лет.

Помню, меня удивило, когда Маша заговорила о Москве – она никогда не стремилась на родину и не любила о ней говорить. Маша была безалаберной матерью – мне часто приходилось заботиться о себе самой, особенно когда она не ночевала по несколько дней дома. Ей проще было бы оставить меня одну или спихнуть на кого-то из подруг, но Маша почему-то приняла решение отвезти меня к бабушке. К Ба, как я вскоре стала называть ее.

Помню, как при встрече Ба крепко прижала меня к себе. Мне стало неловко. Я не привыкла к объятиям, особенно чужого человека. Я представляла ее седой старухой с клюкой, а она оказалась худощавой и довольно-таки красивой женщиной. Маша почти не разговаривала с Ба – обменялись новостями про общих знакомых, что да как изменилось в Москве. Говорила в основном Ба, а Маша напряженно молчала, хотя я знала ее всегда веселой, любящей болтать, петь с гостями – этаким фонтанирующей энергией дивой, по-другому и не скажешь. А вот рядом с Ба Маша была совсем другой. Неузнаваемой.

Сели обедать. Ба что-то говорила, вспоминала о приятелях, одноклассниках Маши, спрашивала что-то у меня. А я сидела как окаменелая, ожидая неотвратимого момента, когда Маша уедет. Я боялась Ба – не зря же Маша ее недолюбливала, что-то же произошло между ними?

Маша, не закончив обедать, схватила телефон – и вот уже красила губы в коридоре: приду поздно, не ждите. Я стала умолять: «Можно мне, пожалуйста, с тобой? Пож-а-а-алуй-ста!» Но Маша небрежно пожала плечами: «Тебе там будет неинтересно – взрослая компания» – и захлопнула дверь. Очередную дверь перед моим носом. Мне бы привыкнуть, но тогда я все еще по-детски надеялась на чудо. Она вернулась, как и обещала, очень поздно, под утро, и в тот же день улетела обратно, выходить замуж. Виноватые глаза – и улыбка, но уже в такси.

А Ба, как выяснилось, спланировала походы по музеям, парки, развлечения. Она говорила и говорила, воодушевленная, словно не замечая моего молчания. Или, может быть, действительно не замечала?

Ей было любопытно все: и как я учусь, и как зовут моих подружек, и что мне нравится делать. Я никогда не чувствовала к себе такого интереса со стороны взрослого, и меня провало – я заговорила. Ба серьезно выслушивала все мои рассуждения, жалобы, размышления о школе, пересказы моих ночных кошмаров, ссор с подружками. Узнав, что я люблю рисовать, Ба потащила меня в магазин для художников, где накупила мне кучу всего: коробочек пастели, наборов карандашей, кисточек и акварельных красок. Сейчас я понимаю, что все это тогда стоило целое состояние, но Ба не скупилась. Она восхищалась мной, считала, что у меня настоящий талант.

Каждое утро Ба пекла мне блины (чего никогда не делала Маша, любившая поспать), лепила вареники или пельмени на обед, варила самый вкусный на свете борщ. А на мой день рождения (Маша забыла, кстати, меня поздравить) испекла «Наполеон».

Ба терпеливо учила меня точить карандаши, пришивать пуговицы, делать маникюр, правильно причесывать волосы, чистить зубы – выяснилось, что я ничего этого толком не умела. Все делала тят-ляп, как беспризорница. Я удивилась: почему же Маша не привозила меня к ней раньше? Но Ба пожала плечами. Я была слишком мала, чтобы спросить: «Что между вами произошло?» Хотя не уверена, что получила бы честный ответ...

Я хорошо говорила по-русски, ведь Маша крутилась в среде русскоязычных эмигрантов, да и моими друзьями были сплошь дети выходцев из СССР. Но читала я все-таки плохо, и словарного запаса мне недоставало – да и откуда ему было взяться. Ба мгновенно подобрала «соответствующую моему развитию литературу», каждый день заставляла читать не менее двадцати страниц и пересказывать содержание. Именно благодаря Ба я сегодня по-настоящему хорошо знаю русский язык, и ей я обязана несколькими карьерными повышениями.

Мне было так хорошо в Москве, что я стала размышлять: зачем возвращаться в Тель-Авив, к Маше, которой я, очевидно, не нужна, если есть Ба, которая меня обожает и так заботится?

Маша вернулась за мной через месяц. Прибежав после встречи с кем-то из своих обогатившихся бандитов-одноклассников подшофе, она паковала в свой клетчатый тряпичный чемодан московские сувениры и щебетала о своем счастливом медовом месяце на Капри. Я помню, что она была незагоревшей, совсем бледной. И мне подумалось, что Маша со своим новым мужем наверняка круглосуточно занималась сексом и не видела никакой Италии, все она привирает. Да, я тогда уже знала о сексе – как не знать при таком количестве Машиных любовников.

Набравшись смелости, я проямлила: «Можно мне остаться с Ба?» Я была уверена, что Маша задохнется от счастья и, конечно же, согласится – ведь она постоянно ныла всем подряд, как ей со мной тяжело (со мной-то? – возмущаюсь я спустя годы, но тогда безоговорочно верила, что была самым ужасным ребенком на свете). Помню, мой вопрос поразил Машу – вскочила, швырнула что-то в чемодан и стала буквально верещать. Что я думаю только о себе, а бабушке вообще-то нужно работать и заниматься собой, а не неблагодарными соплячками, которые ничего не понимают. Что-то в этом роде, я уже не помню дословно. Бросила вещи неупакованными и снова умчалась куда-то, громко хлопнув дверью. Даже губы в тот раз не накрasila.

Машина реакция, такая неожиданная и странная, меня ошеломила. Но я решила все-таки не сдаваться и спросить Ба. Конечно, я должна была сначала пойти к ней, а потом уже договариваться с Машей. Это сейчас, проработав много лет в корпорации, понимаю такие вещи. А тогда, ребенком, была абсолютно, непоколебимо уверена, что и обсуждать нечего: Ба будет только счастлива, если я останусь. И мы с ней ка-а-к заживем! Но и здесь я промахнулась. Ба грустно покачала головой и ответила, что, конечно же, Маша права – в Израиле мне будет лучше и что остаться никак нельзя. Я не могла поверить. Эти слова, несмотря на печаль, которая прозвучала в них, стали для меня ударом. Предательством. Словно Ба сделала мне доро-

гой подарок, а потом цинично отняла его у меня. Не знаю, словно вручила мне щенка на день рождения и на моих же глазах задушила его. Такое я почувствовала разочарование и горе.

Был аэропорт, слезы. Плакала я, плакала Ба. Маша, накачавшись коньяком, молча кричилась и смотрела на часы.

Почему мы с Ба не общались после? Сложно сказать... Мне ведь было всего десять – что я понимала? Сейчас, на взрослую голову, мне кажется, дело было в Маше – я стала ее сообщницей в неприязни к Ба. Когда что-то было не так, Маша шутила: «Отправлю в Москву – вот там тебе покажут, где раки зимуют!» И смеялась. Я смеялась в ответ лишь затем, чтобы понравиться Маше. Чтобы завоевать наконец ее постоянно ускользающую любовь.

Москва. Современный аэропорт. Совсем не тот, серый, советский, откуда мы с Машей улетаем тем летом. Ба с красными от слез глазами провожала нас. Как оказалось – навсегда.

Усталые, безразличные лица таможенников и, наоборот, радостные – встречающих. Вспомнился Трентиньян в «Мужчине и женщине». Скорость, озарение, страсть. А может, все сон – и Джон ждет меня там, среди стоящих с табличками и цветами? Улыбнется, обнимет, мы поговорим. Найдем решение. И все станет как прежде. Конечно, нет. Дура. Какая же я дура.

С облегчением выбралась из толпы встречающих, табличек, зазывал и устало упала в такси:

– «Мариотт» на Арбате.

Я ведь иногда бывала в Москве, приезжала в командировки, но никогда не звонила Ба: Лиза, в Москве у тебя всегда все расписано по минутам – бизнес-партнеры, бизнес-прогулки по центру, аперитивы. А Ленинский проспект, где живет Ба, – так далеко и неудобно, аж за пределами Садового кольца. И если совсем честно, меня так и не покинуло то детское чувство, что меня предали. Ба меня предала.

Думала ли я о Ба? Нечасто. После той поездки в Москву Ба звонила мне раз в месяц. Разговоры были натужными. Да и Маша театрально фыркала, когда я говорила с Ба, и уходила в другую комнату, откуда, я точно знала, подслушивала меня. Постепенно Ба перестала звонить. Я отправляла Ба стандартную открытку на Новый год. Ба поздравляла меня с днем рождения. Помню, на каком-то обеде Маша мимоходом упомянула: «Мать сама справляется. На здоровье не жалуется. Если что-то будет нужно – нам позвонят мои друзья».

Мы договорились переводить деньги на счет. Я, если честно, выдохнула с облегчением, ведь Ба неизменно приписывала «чувствую себя хорошо», «не болею» и «ничего не нужно, пенсия большая». Хотя я все равно продолжала присылать деньги, но чувство вины нет-нет да покусывало меня: Ба ведь тебя все-таки любила, а ты... Последние годы она жила с сиделкой, Маша сообщила мне об этом по электронной почте, – я увеличила переводы, вот, собственно, и все.

Джон появился в моей жизни восемь лет назад. Он не задавал болезненных вопросов и во всем поддерживал. С ним я перестала чувствовать себя одинокой. Мое беспризорное, никому не нужное существование наконец закончилось.

Джон... Случайная встреча в агентстве – он заказывал разработку нового бренда, а я уже тогда была креативным директором. Что-то в нем меня зацепило. Сложно объяснить, но я почему-то сразу почувствовала в нем родственную душу, хотя он ничего особенного не делал и не говорил. Словно мы давно знали друг друга. А может, дело в том, что Джон был полной противоположностью моего мужа. Да, я была замужем. Целых два странных года, когда я была несчастлива, объясняя все усталостью и стрессом. Чем угодно, но только не неправильным, случайным мужчиной в моей жизни.

Джон не пытался казаться лучше, чем был, произвести впечатление. Мы встретились в агентстве еще раз. И еще раз – выпить кофе – уже просто так, после работы: обсудить дальнейшие бизнес-планы. Разговоры обо всем и ни о чем. Было уже за полночь, мы говорили,

говорили и никак не могли расстаться. Что-то между нами нарастало. Что-то неуловимое. То, чему мы, как показала жизнь, не смогли противостоять.

Однажды, это произошло через несколько месяцев после нашего знакомства, мы случайно оказались в одном ресторане. Я была со своим мужем, а Джон праздновал там свой день рождения. Я уже поздравила его утром – написала огромное сообщение как можно нейтральнее, – хотя между нами сильно искрило, мы по-прежнему оставались в статусе коллег и не очень близких друзей. Джон приблизился к нашему столику, поздоровался, я познакомилась с мужем и тут же, не выдержав ради приличия паузы, сбежала в туалетную комнату – мне было невыносимо находиться с ними обоими в одном пространстве. Включила воду и смотрела на себя в зеркало, опершись обеими руками о раковину. Мне было плохо. Я ненавидела себя за слабость и навязчивые мысли о Джоне. Говорила себе: дыши, Лиза, дыши, это пройдет, потерпи... Тогда мне еще казалось, что это временно, просто болезнь, которую надо переждать. В этот момент вошел Джон и мягко обнял меня за плечи. Я обернулась и неожиданно для себя поцеловала его. Не знаю, что на меня нашло. Чувства, которые скопились во мне, диктовали, что делать. Мы стояли и целовались, не думая о том, что кто-то мог войти и увидеть нас. Я никогда не изменяла мужу, высокомерно считая, что измены – для людей легкомысленных и слабых, которые слишком зациклены на сексе или которым нечем заняться. Но с тем поцелуем вдруг куда-то испарились, исчезли вопросы морали и табу. Где-то далеко едва заметной строчкой пронеслось «так нельзя», «ты замужем, давала клятву», «это непорочно, пошло, стыдно». Но я на удивление легко, без тени сомнений, отмахнулась от всего, что казалось таким очевидным. Происходящее между мной и Джоном мне показалось единственно правильным и честным.

Я прошептала Джону «с днем рождения», и он еще крепче прижал меня к себе. Я почувствовала облегчение, словно что-то переключилось во мне. Словно я снова разрешила себе жить.

На следующий день собрала вещи и ушла. Нет, не к Джону. Пожила у друзей, сняла квартиру на улице Аркад, возле площади Мадлен. Начала обставлять ее – диван, рабочий стол, этажерка для книг. И вдруг поняла, что мне стало легче: без всяких антидепрессантов вернулась радость. Я ходила по магазинам, выбирала тарелки – и улыбалась. Покупала новое одеяло – и получала удовольствие. Завела цветы в горшках, хотя никогда не была «хозяйшечкой». Мне было важно все сделать самой. Одной. Мне не нужны были новые отношения так скоро, потому что я сомневалась: действительно ли мои чувства к Джону настоящие или это просто повод уйти от нелюбимого мужчины?

Мы по-прежнему переписывались с Джоном, он узнал о том, что я ушла от мужа, предлагал встретиться, но я не торопилась.

Прошел месяц. Время еле тянулось. Я поняла, что откладывать нашу встречу бессмысленно: постоянно думала о Джоне, вновь и вновь перечитывала нашу переписку, рассматривала его фотографии в соцсетях, вспоминала наши разговоры, поцелуй. Это превратилось в навязчивое, которое мешало мне жить. Не могла спать, не могла сосредоточиться на работе. Все время представляла Джона, видела его в каждом встречном. Что-то неуловимое произошло со мной – мужчины при виде меня оборачивались на улице, делали комплименты, звали на свидание. Но я могла думать только о Джоне. Тогда я решила: «Пусть разочаруюсь в нем, пусть этот дурман наконец пропадет и я стану свободной». Загадала: «Пусть у него будут шторы в цветочек, пошлые меховые тапочки, крошки на столе – что угодно – и все закончится, я вернусь к своей обычной жизни».

Был летний вечер. Начиналась гроза. Я ехала к Джону по безмятежному солнечному городу, а передо мной на фоне темного неба раскинулась радуга, засверкали молнии на фоне почти чернильных туч. Я вот-вот должна была въехать в грозовой фронт, в потоки стреми-

тельной безудержной воды, готовые поглотить меня. Странно, но природа полностью отразила то, что вот-вот должно было случиться между нами.

Я слушала по радио «Prends garde, sous mon sein la grenade...»¹ Я понимала, что это совсем не романтическая песня, скорее наоборот. Но именно так я тогда чувствовала: граната под моей грудью, готовая вот-вот разорваться.

Джон встретил меня под ливнем жалкий и мокрый – полчаса ждал у дома и не вернулся за зонтиком, потому что боялся пропустить меня.

Мы поднялись в его квартиру на маленьком лифте. Таком маленьком, что мне пришлось прижаться к стенке, чтобы случайно не дотронуться до Джона. Мое тело вибрировало. Одно прикосновение – и пути назад не будет.

Не было ни штор в цветочек, ни меховых тапочек, ни крошек на столе... Мы разговаривали о разных глупостях, и это было очень естественно, словно мы давно, много лет, были близки. Или в прошлой жизни были любовниками? Мы расположились на его диване в гостиной, наши тела почти касались друг друга. Перебирали книги, что-то обсуждали. Мне захотелось провести так всю ночь. Всю жизнь, бесконечность – кто знает? Вот так, не двигаясь, ощущая близкое тепло его тела. Потом мы курили одну сигарету на двоих. Я смотрела на его губы, на то, как он задумчиво выдыхает дым, и вспоминала наш поцелуй. Спешить было незачем. Джон по-прежнему сидел на диване, я положила ему подушку на колени, легла на нее, словно я у психотерапевта, и стала рассказывать смешную историю. Это было непринужденно, словно повторялось уже в тысячный раз. Мне было легко с ним. Мой голос дрогнул. Я сказала: «Обними меня». И он обнял. Его рука показалась мне родной. «Своей». Мне не было непривычно или неловко. Я не открывала для себя Джона – я уже откуда-то знала его. Родилась, создалась для него с этим знанием. Все это время я лежала у него на коленях, рассказывала глупости, мы смеялись. Я гладила его ладонь, изучала его кожу. Наши пальцы переплелись – и все стало понятно. В одно мгновение. В тот же вечер мы занимались сексом. И наш первый раз был прекрасен, безупречен. Мы оба безошибочно угадывали, чувствовали, как надо. Мы открывали друг друга не торопясь, не опасаясь, что этот момент исчезнет. Наша близость, наши отношения сделались неотвратимыми. Джон стал моим кислородом, моей зависимостью, моим всем.

Прошел год. Лучший год в моей жизни. Мы с Джоном не расставались. И вот уже выбор кольца, дизайн нашей квартиры в Шестнадцатом округе Парижа. «Как ты считаешь, стены покрасим бежевым или бледно-серым?» И тогда же я сказала ему, что вторая спальня будет кабинетом или комнатой для гостей, но никогда – детской.

«Зачем нам дети? – убеждала я Джона. – Я – зацикленная на себе карьеристка, и это диагноз». Но про себя думала: никогда не смогу стать нормальной матерью – не дано, не те гены. Мой ребенок никогда не получит настоящей материнской любви, потому что я сама не испытала, что это такое. Джон промолчал. Это был наш единственный разговор о детях. Пока не появилась София.

Такси затормозило возле «Мариотта». Широкий проспект, яркие огни – я совсем забыла, что Москва такая. Никогда не спящая, деятельная 24/7. Бритоголовый водитель в черном костюме открыл дверцу, выгрузил мой чемодан и улыбнулся на прощание:

– Надеюсь, вам здесь понравится.

«Конечно, понравится, – чуть не сказала я, – обожаю похороны».

Шикарный отель, просторный номер с видом на Арбат. Совсем не шумно.

– Шампанского?

– Нет, все-таки не по такому поводу!

---

¹ «Берегись, под моей грудью граната».

– Доброй ночи!

– И вам.

Наконец одна. Нет, опять одна. Здесь слишком тихо. Я села на кровать и начала жалеть о том, что приехала. Слишком импульсивно, нетипично для меня. Улетела, даже не заглянув в рабочий календарь.

День выдался ужасный. Я слишком устала – хотелось лечь спать и пробудиться где-нибудь через неделю... А еще лучше не просыпаться никогда. Открыла чемодан, достала полупрозрачную сорочку на бретельках. Нет, это не одежда для сна, а униформа для секса. После встречи с Джоном у меня только такие. Рядом с ним я хотела быть красивой, молодой и веселой. Беспроблемной и оптимистичной. Шелк неприятно холодил – я озябла. Закуталась в махровый отельный халат и забралась под пухлое одеяло. Что я стану делать, когда вернусь? Одна в нашей холодной квартире, где все будет напоминать о Джоне, о его смехе, о горячих ароматных круасанах, которые он приносил по утрам? Нам было хорошо вместе. И больше никогда не будет...

Остановись, Лиза. Вспомни – ты здесь из-за Ба. Я включила телевизор. Какие-то шоу, веселье, новости. Все не то. Везде не то. Прежде всего в моей жизни.

Утром я позвонила и узнала, что похороны, оказывается, состоятся только завтра. Маша тоже прилетела и, что удивительно и неожиданно, уже взяла все заботы на себя, а мне лишь нужно поехать в квартиру на Ленинском, которую Ба завещала почему-то именно мне.

– Простая формальность, – уверил голос по телефону, – можно просто взять ключи и даже не заходить туда, если вам не хочется.

– «Да, мне не хочется», – внутренне согласилась я и тут же соврала этому голосу:

– Нет, что вы – это же моя бабушка.

Пока собиралась, в голову пришла крамольная мысль: интересно, что хуже – похороны Ба или встреча с Машей? Странно, что после стольких лет, что мы не виделись с Машей, у меня все еще так сильно болело. Ни похорон, ни встречи мне не хотелось, и я стала произвольно прокручивать малодушные варианты, на которые, я знала заранее, никогда не решусь: например, проспять, заболеть, срочно улететь обратно в Париж...

Мне всегда казалось, что Машино детство, в отличие от моего, было беззаботным и хорошо обустроенным. Счастливым. Из ее кратких рассказов становилось понятно, что Маша ни в чем не нуждалась, всегда была одета с иголки – и это сразу-то после войны. Ба носилась с ней, как мне и не снилось. Хорошая московская школа. Балет. Блестящие преподаватели. Все это Маша бросила, как и многочисленное остальное, что без усилий возникало в ее жизни после. Маша была чемпионом по начинанию всевозможных дел, которые она оставляла дай бог на середине. Удивительно, как это мне удалось появиться на свет. Я, пожалуй, единственное ее доведенное до конца дело.

После школы Маша кое-как поступила в институт (а может, Ба ее пристроила. Так мне показалось из намеков Машиных друзей). Конечно, ее отчислили. Где-то подрабатывала и, как только появилась возможность, выскочила замуж и эмигрировала в Израиль. Уже через год Маша развелась в первый раз. Больше я толком ничего не знала ни о ее жизни в Москве, ни о ее первом замужестве. Я – единственный поздний ребенок от, по-моему, третьего брака (отца с тех пор и след простыл – и я его где-то даже понимаю).

Маша так и не узнала о Джоне. Мы с ней уже лет десять не разговариваем.

Это случилось в разгар праздничного ужина в честь моего дня рождения. Маша постучала вилкой по бокалу, встала и вдохновенно просветила моих друзей и коллег, какой она была чудесной матерью и каким ужасным ребенком была я. Как многим я ей обязана. Она, смеясь, вещала про испорченные мной сгоревшие кастрюли, про разбитые тарелки, про мой нелепый вечно непричесанный вид, про позорную балетную пачку, которую я сама себе смастерила. Все хохотали над ее историями – Маша была мастерица рассказывать. Я же говорила – дива. Никто

и не понял, что все это были промахи предоставленного самому себе ребенка, о котором никто не заботился и который просто пытался выжить. Под конец Маша пожелала мне однажды стать прекрасной матерью и, подмигнув, припечатала: «ведь яйцеклетки не вечны, Лизок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.